понимать в широком смысле – как особый тип актов обладателя исключительных прав в форме конститутивного правоприобретения в целях получения доходов или осуществления общественно важных функций, вытекающих из содержания таких прав. В анализируемой сфере, где сталкиваются публичные и частные интересы, востребованы, прежде всего, децентрализованные правовые средства, позволяющие учесть нужды каждого из лиц, образующих в совокупности те народы, основной жизни и деятельности которых выступают недра. В настоящее время государство – не только собственник недр, но и субъект, от воли которого, в первую очередь, зависит баланс интересов – частных и публичных. Нормативно закрепленный порядок распределения поступлений (плодов, продукции и доходов) от использования недр служит отражением указанного баланса.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00043.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00043.

1. Алланина Л.М. Актуальные проблемы горного права в сфере нефтегазодобычи: монография / Л.М. Алланина. - Тюмень: Вектор Бук, 2019. – 80 с.
2. Алексеев С. С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования общественных отношений // Антология уральской цивилистики. 1925-1989. Сборник статей. М. 2001. – С. 56. .
3. Генкин Д. М. Право собственности как абсолютное субъективное право // Советское государство и право. – 1958. № 6. – С. 101.
4. Алланина Л.М. Правовые основы недропользования (геология): монография. Тюмень: Вектор Бук. 2019. – 83 с
5. Камышанский В. П. Конституционные ограничения права собственности // Юрист. – 2004. № 5. – С. 5-7.
6. Алланина Л.М. Подземные конструкции и право пользования недрами: монография. Тюмень: Вектор-Бук, 2018. – 76 с.
7. Алланина Л.М. Правовое обеспечение государственного и муниципального управления. Учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению "Государственное и муниципальное управление. Тюмень: ТюмГНГУ, 2015. – 253 с.

Альбов А.П., Каирова А.И.

Правовой позитивизм и проблемы современности XXI века

МГГЭУ

(Россия, Москва)

doi: 10.18411/sr-10-06-2020-42

idsp: sciencerrussia-10-06-2020-42

Аннотация

В статье показывается практическая опасность юридического позитивизма XXI века, она возникает из его неспособности найти место внутри своей системы теории права для идеи морального порядка. Позитивист утверждает, что принимаемые позитивные законы, хотя и веские в правовом порядке, не включают нравственные оценки и моральные критерии. Поэтому, граждане в принципе, могут иметь подавляющее моральное обязательство для противостояния и сопротивления закону.

Ключевые слова: право, позитивизм, пандемия, нравственный закон, гражданское общество.

Текущая ситуация с пандемией, кажется, до конца не понятна абсолютно никому. Все прекрасно осознают, что происходит что-то важное, но что именно - не знает никто. Или почти никто. Огромное количество домыслов вокруг сложившейся

ситуации буквально сводит человечество с ума. Кто-то считает, что все дело в этом самом опасном вирусе COVID-19, который быстро распространяется и несет в себе большую опасность для здоровья. Другие уверены, что никакой опасности не существует вовсе, и всё это банальное прикрытие для разрушения мировой экономики, или что это попытка тотального порабощения людей, их чипирования, ограничения свобод и контроля за передвижением.

Накаляет страсти недавно всплывшая в СМИ статья фонда Рокфеллера 2010 года, где рассматриваются 4 варианта развития человечества, где первый из них - как раз эпидемия, которая захлестнет все страны и только Китай сможет быстро выбраться из этой ситуации. Ну а дальше тотальный контроль и растущее недовольство населения. В настоящее время в философии права основная оппозиция сложилась между юридическим позитивизмом и различными концепциями естественного права. Как нам представляется, современный спор правового позитивизма и естественного закона, это лишь на первый взгляд спор о природе закона в обычном значении этого слова. Вопрос о том, следует ли применять этот термин к правилам позитивного закона до или после того, как мы выясним, имеет ли правило морально обязательную силу, представляет собой чистый софизм.

Так или иначе, главное видится в решении вопроса о том, обязаны ли мы фактически; и, вне зависимости от применения термина "закон", выяснить, имеет ли какую-то независимую силу правило, отвечающее всем «не-моральным» критериям позитивного закона.

К тому же спор о моральном обязательстве не ограничивается этим. Он не просто ставит общий вопрос об источнике и статусе морали, добавляя некоторые текущие правовые темы в качестве примера. Скорее, речь идет об онтологическом статусе нормативного «закона справедливости природы» или, что в данном контексте почти то же самое, «природы справедливости». В целом дискуссия ещё не нашла своего логического завершения, потому что ни позитивизм, ни естественный закон не могут полностью охватить идею справедливости.

Естественный закон непригоден тогда, когда он не утверждает обязательную силу правомочий на основании легитимного закона, несмотря на признаки обычно достаточные для их установления. Нет ошибки в склонности подвергать все законы моральной критике и не одобрять, или осуждать, всякое соблюдение аморального закона. Охранник в концентрационном лагере или всякий, кто пользуется благами несправедливой экспроприации, могут с полным правом обвиняться в отсутствии мужества или воли для противодействия исполнению закона.

Практическая опасность естественного закона заключается в том, что он отвращает личность от опоры на власть закона вообще. В сложной ситуации моральные требования на основе «естественного закона», возвышающегося над позитивным правом, могут звучать с самых разных сторон. Коллективное суждение в XXI в Европейских странах, США, Канады, воплощенное в принятом законе, это - тормоз для беспорядка, в котором хуже всех приходится лишенным прежних правомочий членам гражданского общества. Общество, которое полностью опирается на социальную заслугу без возможности правомочия, вряд ли справедливее, чем то, в котором сохраняются правомочия, пусть самые несовершенные.

За пределами юридических дебатов антиномия между социальной заслугой и правомочием приводит в конечном счете к онтологической антиномии между свободой и причиной, выявленная уже Кантом. Свобода это не просто случайность, полное отсутствие порядка. Ее возможность определяется регулярностью и упорядоченностью происходящего на основе принципа причинности. Но если допускать причинный порядок, опровергается свобода. Мы можем говорить о самой свободе как определенного рода причине, однако сами эти термины выше нашего понимания. Мы не можем быть частью природы и в то же время отдельно от нее.

Разбираясь со всеми этими неясностями, можно уловить решение, если только найти последний элемент мозаики. Но дело обстоит иначе. Мы отнюдь не объясняем и не описываем свободу. Свобода и причина – элементарные, не подлежащие анализу понятия нашего опыта. Мы знаем их непосредственно. Вместе они составляют средства, с помощью которых мы отделяем индивида от его окружения. Если мы попытаемся отбросить то или иное, рухнет сам опыт.

Увеличение власти над природой посредством открытия ее законов увеличивает человеческую свободу в одном смысле. А именно: Мы освобождаемся от не подлежащих изменению условий существования и можем изменять их форму для приближения к конкретной идее справедливости. "Случаи" нашей жизни, будь то непредвиденные проблемы (COVID-19) и удары судьбы по людям, или просто произвольное распределение благ, можно исправлять с большей уверенностью. Правомочие, определяемое по человеческому закону, вторгается в природу, и мы можем установить справедливый фоновый порядок там, где он прежде подразумевался. С другой точки зрения, человеческая вольность не увеличивается. Когда мы привели явления в порядок и узнали причины, определяющие их происхождение, не остается места для заслуги. Мы понимаем, что там, где нет свободы, нет и заслуги.

Бережок О.

Экстрадиция, выдача и передача как институты международного сотрудничества в российском уголовном процессе

*ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
(Россия, Владимир)*

doi: 10.18411/sr-10-06-2020-43

idsp: sciencerussia-10-06-2020-43

*Научный руководитель
Головинская И.В.*

Аннотация

В данной статье рассматриваются основные особенности процедуры выдачи для судебного преследования или исполнения приговора. Определены основные правовые документы, касающиеся выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора. Уделяется особое внимание раскрытию сущности понятий «экстрадиция», «выдача» и «передача», проводится сравнительно-правовой анализ исследуемых институтов международного сотрудничества, формулируются предложения в УПК РФ с учетом развития международного сотрудничества в данной сфере.

Ключевые слова: Уголовно-процессуальный кодекс; выдача лица для исполнения приговора; выдача лица для уголовного преследования; экстрадиция; выдача, передача для отбывания наказания; международное сотрудничество.

Abstract

This article discusses the main features of the extradition procedure for prosecution or enforcement. The main legal documents regarding the extradition of a person for criminal prosecution or the execution of a sentence are identified. Particular attention is paid to the disclosure of the essence of the concepts of "extradition", "extradition" and "transfer", a comparative legal analysis of the studied institutions of international cooperation is carried out, proposals are formulated in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation taking into account the development of international cooperation in this field.

Key words: Criminal procedure code; extradition of a person for execution of a sentence; extradition of a person for criminal prosecution; extradition; extradition, transfer for serving a sentence; international cooperation.